

С. И. Порфирьев

и его дневник

Сергей Иванович Порфирьев (1869-1942) занимался русской медиевистикой, работал с архивами, был активно действующим членом ОАИЭ при Императорском Казанском университете. Глубина С. И. Порфирьева как историка была во многом предопределена наследственностью, разнообразными научными интересами его предков. Отец Сергея Ивановича Иван Яковлевич Порфирьев* был

членом-корреспондентом Петербургской академии наук, профессором русской словесности, а дед по материнской линии Гордий Семёнович Саблуков** — профессором-востоковедом. Библиотеку восточных книг и рукописей, принадлежавших Г. С. Саблукову, С. И. Порфирьев в 1903 г. пожертвовал ОАИЭ при Императорском Казанском университете. Совет ОАИЭ, высоко оценив пожертвование, избрал Сергея

* Порфирьев Иван Яковлевич (1823-1890), доктор богословия (1873), с 1848 г. в Казанской духовной академии, профессор, автор капитального труда «История русской словесности» и «Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях». По рукописям Соловецкой библиотеки».

** Саблуков Гордий Семёнович (1804-1880), востоковед-арабист, в 1849-1862 гг. в Казанской духовной академии, профессор, автор одного из первых русских переводов Корана (1878) и «Приложения к переводу Корана» (1879), содержащих аннотированные систематические указатели к Корану.

Ивановича в члены-соревнователи общества¹.

Владея не только классическими европейскими языками, но и арабским, он делал разбор тюркских наречий, изучал надписи на надгробных плитах в Булгарах. Любовь к работе вскоре сделала его серьезным архивариусом, библиотекарем ОАИЭ, специалистом, к помощи которого прибегали многие ученые. В Казани С. И. Порфирьев преподавал в Родионовском институте благородных девиц, был сотрудником статистического бюро земства.

С 1905 г. начался новый этап в жизни Сергея Ивановича. Он был принят на работу архивистом и помощником редактора в древлехранилище Московского архива Министерства юстиции, но не прервал связь с Казанью, продолжая сотрудничать с ОАИЭ.

В течение 14 лет С. И. Порфирьев вел фундаментальную работу в Московском архиве. Предметом его изучения было наследие Разрядного приказа и Приказа Казанского дворца. Результаты его труда помещались преимущественно в печатном органе архива «Описание документов и бумаг», выходивших в Москве по 1925 г., и в «Чтениях» Общества истории и древностей российских. Некоторые его статьи на темы, касающиеся истории Казанского края, были изданы в «Известиях ОАИЭ при Казанском университете»².

В 1906 г. в Москве С. И. Порфирьев женился на Юлии Михайловне Хомяковой, его бывшей ученице по казанскому Родионовскому институту. В Москве она училась на Высших женских курсах. Это был счастливый союз, основанный на общих интересах, взаимной любви и уважении. В Москве родились их дети — Васьян, Глеб и Юлиана. Революционные события застали семью Порфирьевых, когда они отдыхали на даче под Казанью. Жена с детьми была вынуждена остаться в Казани из-за маленького ребенка, а Сергею Ивановичу пришлось вернуться в Москву.

В 1919 г. С. И. Порфирьев был командирован из Москвы в Казань для организации описания столбцов Ка-

занского приказа. В то время большинству казанских архивов упраздненных учреждений стала грозить опасность уничтожения. С. И. Порфирьев участвовал в их спасении. Так вместе с профессорами И. М. Покровским, Н. М. Петровским, А. М. Вилькеном и другими он разбирал и описывал богатейшую библиотеку Казанской духовной академии.

В 1921 г. ОАИЭ понесло непоправимые потери: умерли известные ученые Н. М. Петровский, П. Г. Архангельский, М. М. Хвостов, в 1922 г. — Н. Ф. Катанов, Н. Ф. Высоцкий.

В семейном архиве Порфирьевых долго хранилось письмо академика Николая Петровича Лихачёва от 21 декабря 1921 г., посланное С. И. Порфирьеву в тяжелейшее для русской науки время: «Науке покровительствуют („академий“, „университетов“, „институтов“ не счесть), а настоящих деятелей науки тщательно вымаривают. [...] С книгами здесь еще хуже, чем у вас. Что печатается “Госиздатом”, никому не продается и не дается. А “коммерческие” предприятия бывают, но достать их тоже невозможно, и цены на них — “аховые”. Говорят, я еще не видал, вышел журнал “Начало”. По себестоимости экземпляр — 35 000 рублей. А моего заработка на покупку чая и сахара не хватает»³.

История становится все менее популярной дисциплиной. С 1919 по 1924 г. Сергей Иванович работал в Центральном архиве ТАССР научным работником, библиотекарем Общества археологии, истории и этнографии, но по окончании работ лишился и этого места. В 1924 г. С. И. Порфирьев вместе с К. В. Харламповичем, И. М. Покровским, Н. В. Никольским, В. Ф. Смолиным и другими членами ОАИЭ находился под следствием по делу лиц, причастных к Обществу археологии, истории и этнографии. «Деятельность указанных лиц [...] носит ярко к[онтр]революционный и мис-

¹ В 1970 г. письмо было передано дочерью Сергея Ивановича Ю. С. Порфирьевой внучке академика О. И. Лихачёвой.

сионерский характер, для каковой цели эта группа пользовалась официальным изданием “Известий” указанного Общества, помещая статьи с явным намерением внедрения в массы ненужных и вредных с пролетарской точки зрения идей христианства, отсталости, консерватизма» — говорилось в следственном деле. Им инкриминировалось «использование легальных возможностей с целью воспрепятствования изъятию церковных ценностей под предлогом “охраны старины и искусства”»⁴. В итоге С. И. Порфирьев освободили, но он остался без работы.

Одно время он читал курс лекций по истории музыки в Восточном музыкальном техникуме, приводил библиотеку училища в порядок. С 1925 по 1931 г. работал библиотекарем в Институте коммунального строительства. С 1931 г. и вплоть до кончины был преподавателем латинского языка в Казанском ветеринарном институте.

Умер С. И. Порфирьев 5 мая 1942 г. от дистрофии, похоронен на Арском кладбище г. Казани в фамильной ограде вместе с Г. С. Саблуковым и И. Я. Порфирьевым.

С. И. Порфирьев подготовил к изданию по рукописи Московского архива Министерства юстиции переписные книги 1652 г. (7160) по Казани. В предисловии академического издания

«Сборник грамот Коллегии экономии» (СПб., 1922) С. И. Порфирьев упомянут в числе оказавших услуги делу издания сборника. Работы С. И. Порфирьева по описанию рукописей, хранящихся в фондах Российского государственного архива древних актов в Москве, до сих пор считаются классическими.

Фрагмент дневника Сергея Ивановича Порфирьева, сохраненный в архиве семьи Порфирьевых, публикуется впервые. Это редкий по ценности документ — живое свидетельство переломной эпохи, не способствовавшей сохранению личных бумаг, документов, фотографий в домашних архивах.

Время, описанное в дневнике, охватывает конец января — начало марта 1923 г. На его страницах отражены последние годы существования Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, закончившиеся его закрытием, жизнь казанских ученых, работавших в холоде и голоде и спасавших казанские архивы от полного разорения.

Сохранившийся фрагмент дневника С. И. Порфирьева представляет собой 11 страниц рукописного текста, написанного по старой орфографии фиолетовыми чернилами на желтой бумаге. В тексте упоминается много имен, скрытых за аббревиатурой. К сожалению, не все из них удалось разгадать.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Доклад Н. Ф. Катанова // Известия ОАИЭ. — 1903. — Т. XXI. — Вып. 3. — С. 89.
2. Порфирьев С. И. Белая палата в Болгарах по рисункам альбома Чернецовых // Известия ОАИЭ за 1900-1927 гг. — 1928. — Т. XXIX. — Вып. 1-3. — С. 84-91; Он же. Казанский стол Разрядного приказа // Известия ОАИЭ за 1900-1927 гг. — 1928. — Т. XXVIII. — Вып. 6. — С. 535-553; Он же. К истории сборника болгарских надписей // Известия ОАИЭ за 1900-1927 гг. — 1928. — Т. XXXI. — Вып. 4. — С. 41-44; Он же. Разиновщина в Казанском крае // Известия ОАИЭ за 1900-1927 гг. — 1928. — Т. XXIX. — Вып. 5-6. — С. 289-366; Он же. Несколько данных о приказном управлении в Казани в 1627 г. // Известия ОАИЭ за 1900-1927 гг. — 1928. — Т. XXVII. — Вып. 1. — С. 75-85; Он же. Список воевод и дьяконов по Казани и Свияжску, составленный в XVII столетии // Известия ОАИЭ за 1900-1927 гг. — 1928. — Т. XXVII. — Вып. 1. — С. 61-74.
3. Письмо Н. П. Лихачёва к С. И. Порфирьеву 21/8 декабря 1921 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Сборник РАН — отделение истории — археографическая комиссия. — СПб., 2000. — Вып. XXVII. — С. 358-360.
4. Сидорова И. Б. Поступают «сведения о группировке черносотенного элемента в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете...» (ОАИЭ в первые годы Советской власти. 1917-1924 гг.) // Гасырлар авазы — Эхо веков. — 2003. — № 3/4. — С. 77.

Январь-март 1923 г.

26 января. [...] В Академии с 10 часов, И. М. П[окровский]¹ уже топил печь голанку, после усердной топки в 11 часов — + 1,5 Reomur., при расстоянии термометра на сажень от печи. Однако занимались с А. А. Ф., доводили до 6,5 градусов, но больше 2-х ч[асов] сидеть не могли.

27 января. [...] В «Известиях» Каз[анского] Сов[ета] р[еволюционных] деп[утатов] от 9 февр[аля] постановление Нар[одного] ком[иссариата] вн[утренних] дел Тат[арской] р[еспублики] считать закрытым О[бщество] а[рхеологии], ист[ории] и этн[ографии]². Деятельность может быть возобновлена только по регистрации. Всего закрыты 22 общества, в том числе состоявшее при Восточной академии Общество по изучению местного края. [...]

30 января. [...] В лавке бывшей кооперации употребляют на обертку пачку «Ист[ории] р[усского] права» Загоскина. Застал хвостик одной книжки, сказал об этом К. В. Х[арламповичу]³.

31 января. [...] Получено жалование из архива за январь. Вместе с первой выдачей пришлось 140 милл[ионов] по 14 разряду; 15 получает 150 милл[ионов] 500, а 16, т. е. Ч[ернышёв], — 767 милл[ионов]. Выдача эта была по расчету 35 милл[ионов] на 1-й разряд, т[ак] к[ак] по 40 не хватило присланных денег, общая сумма выдачи по архиву — 2 188 милл[ионов]. [...]

1 февраля. [...] Заседание Совета Общества археологии, истории и этнографии. Общество считается закрытым, регистрация должна обойтись в 21 милл[ион]; требование нового Устава со свободным доступом к избранию в члены для каждого желающего и ежегодными выбором правления; требование личного списка Совета с указанием социальной принадлежности.

Написано мной предисловие к Атласу А. Ф. Л[ихачёва]⁴. В лавке оказалось Загоскина много экземпляров, купил один за 2 миллиона.

2 февраля. [...] И. М. П[окровский] хочет заняться темой о русской и татарской колонизации казанских окрестностей верст по 30 и желает видеть напечатанную книгу, о которой я докладывал. [...]

3 февраля. [...] В КУБУ⁵ ставки вдвое увеличены, и получено за январь 180 милл[ионов], т. е. на деле за вычетом 171. Не ходил в заседание к Ч[ернышёву]⁶. Повестка была на совещании 1) по вопросам издания «Архивного Вестника», 2) научных заседаний и 3) собрания архивных материалов на восточных языках. Избегаю, потому что неопределенность состава коллегии, при склонности Ч[ернышёва] передавать ей вопросы, меня касающиеся, не располагает входить в ее состав, тем более нельзя полагаться на соотвествие действительности того, что в заседании Ч[ернышёв] сообщает, напр[имер], будто аванс на разработку архивов был дан только до 1 ноября, а не до конца года, и потому должен быть возвращен. В бывшем после того, от 23. XI. 1922, предложении Ч[ернышёва] сдать немедленно аванс была именно ссылка на постановление коллегии ТЦА от 20. XI. Кажется, это и было то заседание, на котором я был в последний раз и где обсуждался еще вопрос об открытии академ[ической] библиотеки по вечерам. А аванс, судя по объяснениям О. А., данным, во всяком случае, после Нового года, и тогда еще мог быть в употреблении, и отчет по нему не был сдан. [...]

5 февраля. [...] К. В. Х[арлампович] побудил подать в «АРА»⁷ заявление как бывшего преподавателя С[еверо]-В[осточного] института с просьбой о вещевой посылке, прибавив, что мое имя уже фигурирует там. [...]

6 февраля. [...] Начат переезд рукописного отдела О[бщества] а[рхеологии] вниз, второй комнаты за учебный год лишается О[бществ]о в верхнем помещении, остаются только четыре в подвальном.

7 февраля. [...] Получен академический паек, который можно было получить и много раньше: сливочное масло — 1,5 фунта, гречневой крупы — 38 фунтов, ржаной муки — 1 п[уд] 3 ф[унта], гречневой — 20 ф[унтов]. Баранки продаются уже по миллиону. Сделана большая закупка, чтобы не терялись от лежания деньги: сахару — 5 ф[унтов], ценой «пока» — по 5 милл[ионов] («пока» сказал приказчик в «Личном труде»), 6 жестянок

америк[анского] молока, 2 ф[унта] ячменного кофе по 3 милл[иона], 4 ф[унта] ландрина по 6 милл[ионов]. Детям приятно.

8 февраля. [...] Переноска рукописного отделения библиотеки вниз, на наше место водворяются три курсистки. [...]

9 февраля. [...] В «Известиях» — статья «Пролетарский суд» от 22 февр[аля]: К., заведывавший отделом снабжения вуз. Суд постановил считать доказанным обвинение, что в 1920-[19]22 гг. все время сообщал н[ар]к[ом]проду заведомо ложно о полном израсходовании продуктов, полученных для выдачи пайков, тогда как они в значительном количестве оставались в распределителях. Приговорен к лишению свободы на 1 год, но по окт[ябрьской] амнистии, в честь 5-ой годовщины Окт[ябрьской] революции, суд постановил К. от наказания совсем освободить. Называется он «ныне беспартийным». Хорошо памятно мне, как в прошлом году часто приходилось объясняться с К., увертливым и крайне дерзким, по поводу ставшей обычной невыдачи мне академического пайка на членов семьи. Члены семьи из бумаги исчезали; когда я нашел в раннем списке и требовал восстановления, К. потребовал свидетельство о составе семьи, прибавляя, что паяк не пропадет. На другой день, принеся удостоверение, встречаю вопрос — откуда мне взять паяк? «Да ведь вчера сказано мне, что паяк не пропадет!» — «Это я вам вчера говорил!» В конце концов, в результате небольшой беготни, К. восстанавливает паяк, но не для всех членов семьи, прибавляя, что надо торопиться взять, а то будет поздно. Другие объяснения бывали еще громче.

10 февраля. [...] Пуд пшеничной муки 3 сорта — 25 милл[ионов]. О высшем сорте говорят, что за ночь он прибавился в цене на 5 милл[ионов].

11 февраля. [...] Молоко дешевеет (первая неделя поста), четверть — 2,5 милл[иона]. Пили с ним чай. Сообщаем, что мы стали поправляться с лица, благодаря не столь, как прежде скудной пищи.

12 февраля. [...] В библиотеке О[бщества] арх[еологии] начат разбор после переноса туда рукописного отделения.

13 февраля. [...] Получена американская мануфактурная посылка — отличная шерс[т]яная материя для полного костюма с запасом, 12 арш[ин] фланели, 20 арш[ин] для белья, 48 пуговиц и 4 катушки, также подкладка для костюма. Все это благодаря К. В. Х[арламповичу], упомянувшему мое имя во время распределения.

Уже после того как выдача признана возможной, было подано мое прошение (5 февр[аля]). Это вторая выдача, прошлой весной была съестная посылка от Союза христианской молодежи, которому я тогда отправил благодарность с признанием своего долга в будущем, а он был равен 10 долларам, т. е. собственно вещи стали 7.5, а уже цена была с надбавкой для целей Союза. Каков теперь будет мой долг, пока не знаю, и долг ли это, пока покажет будущее. Нужно помнить, что о первой посылке я не просил, 2-я же формально была по моей просьбе, хотя сущность тут в моем звании или, как гиперболически выражено в справке по поводу выдачи — что prof. Porfiriev is the author of about 20 scientific works (профессор Порфирьев — автор около 20 научных работ. — *И. П.*). Долгов мы вообще никогда не делаем, потому очень важно своевременно выяснить, насколько эти выдачи в той или иной форме были нашей страной уравновешены. Если же была филантропия, то такова история, из песни слова не выкинешь. А признание своего долга по поводу первой посылки, сколько помню, выражено в словах: Parmi les motifs (среди других мотивов. — *И. П.*), побуждающих теперь возрождения своей страны un des plus puissante (один из самых сильных. — *И. П.*) есть то, чтобы те или за те возможности возратить, чтобы Union de la Jeunesse Chrétienne (Союз молодых христиан. — *И. П.*) мог ту же меру помощи оказать другим. [...]

17 февраля. [...] На неделе И. Ф. П[обедоносцев]⁸ приглашал, было, опять при новой переписи быть инструктором в прежнем участке на 3-ей горе, т[ак] к[ак] доволен тем, как шло дело три года назад. Когда я пришел с согласием, [...] со смущением он стал извиняться. Ему самому навязан в помощники Ф., которому он не доверяет, и он отказался от заведывания переписью, исчезло и то соглашение, по которому он сам приглашал инструкторов; и без него ни я, ни Ж. не приглашены. Вознаграждение, говорят, было бы по полумиллиарду. В четверг К. В. Х[арлампович] сообщал письмо Введ., благодарит за вдумчивую и строгую критику его статей и принимает ряд «тонких» замечаний.

18 февраля. [...] В КУБУ получены деньги за февраль — 170 милл[ионов] 500 т., т. е. номинально — 180. [...]

23 февраля. [...] Пирог с рыбой по случаю рождения Г[офа]⁹, щи с мясом, молочная каша, посыпанная сахаром, ватрушка с клюквой.

И. М. П[окровский] примеривался отпечатать обложку с некрологом Н. Ф. К[атанова]¹⁰ в университетской типографии. Там сделали уважение и запросили дешевле, чем с других, т. е. хотели за одно печатание на бумаге взять за 50 экз[емпляров] 75 миллионов. Соглашение не состоялось. Написана статья о памятниках деятельности Казанского стола Раз[рядного] приказа. [...]

26 февраля. [...] В библиотеке был Г. С. Г[убайдуллин]¹¹, собирается в О[бществе] а[рхеологии] когда-нибудь сообщить о еналеевщине¹², которую производит от восстаний при Ал[ексее] Мих[айловиче], согласно отрывкам летописи, у него имеющимся, и не в казановской редакции; как будто не обращает внимание, что еналеевщина была раньше этого. [...]

27 февраля. В О[бществе] а[рхеологии] получена плата за январь — 10 милл[ионов] 570 тыс., дополнение к оплате за декабрь — 3 милл[иона].

28 февраля. [...] Дети получили американские башмаки. [...]

3 марта. Получен паек в КУБУ: 7,5 ф[унтов] соленого масла, 35 ф[унтов] мяса, 38 [фунтов] гречневой крупы, 1 пуд 30 ф[унтов] ржаной муки. Сушки — 2 милл[иона] 200, керосин — 1 милл[ион] 300 фунт. [...]

5 марта. [...] В заседании О[бщества] а[рхеологии] Козлов¹³ — о гармонизации народной музыки. Поклонник корсаковской школы. Читал доклад «Административное деление старинного Каз[анского] у[езда] на дороги»¹⁴. Никакими бумажками не пользовался, все читал на память, своими словами. Хотя несколько путных фраз забыл полностью, скомкал немного, но, в общем, гладко, и устный способ продолжаю предпочитать. Похвала со стороны И. М. П[окровского], может быть, не без влияния присутствия здесь Ч[ернышёва]. [...]

9 марта. [...] Начал для библ[иотеки] О[бщества] а[рхеологии] набирать экз[емпляры] акад[емических] изданий по случаю упразднения академич[еского] склада. [...]

12 марта. [...] Из литографии принесены обложки к Атласу А. Ф. Л[ихачёва], заголовки без «и» и ф[иты], с окончанием на «ого», вообще уродство. Но перепечатать невозможно. Корректуры не было, К. В. Х[арлампович] сказал, что пускай печатные заголовки выполнит художник. [...]

14 марта. [...] Получена вторая половина жалованья за февраль, т. е. 69 милл[ионов] (всег[о] 140 милл[ионов]). [...]

15 марта. [...] Подсчитали в О[бществе] а[рхеологии] библиотечную утварь. Не различая секретарского, книжных и рукописных, всего полок и шкафов — 49, письменных столов — 2, тумбочка, вешалка для карты, стульев. [...]

18 марта. [...] Перевыборы Совета О[бщества] а[рхеологии].

19 марта. Паек академический за апрель в прежних размерах. Выданы из КУБУ деньги — 180 милл[ионов], de facto — 171. [...]

Личный архив семьи Порфирьевых.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Покровский Иван Михайлович (1865-1941), историк, доктор церковной истории (1905), член ОАИЭ, известный специалист архивного дела, в 1895-1918 гг. в Казанской духовной академии, профессор (1906), в 1919-1928 гг. работал в Центральном архиве ТАССР.
2. 1 февраля 1923 г. ОАИЭ, как и другие казанские научные общества, было закрыто из-за истечения срока регистрации. 25 октября 1923 г. был утвержден новый устав общества. В 1924 г. ОГПУ было заведено следствие на членов ОАИЭ: К. В. Харламповича, И. И. Сатрапинского, С. П. Шестакова, В. Ф. Смолина, С. И. Порфирьева, Н. В. Никольского, И. М. Покровского. В 1931 г. ОАИЭ было закрыто (подробнее см.: Сидорова И. Б. Поступают «сведения о группировке черносотенного элемента в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете...» (ОАИЭ в первые годы Советской власти. 1917-1924 гг.) // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2003. – № 3/4. – С. 65-81).
3. Харлампович Константин Васильевич (1870-1932), историк, доктор церковной истории, с 1900 г.

преподавал в Казанском университете, после смерти Н. Ф. Катанова в 1922 г. возглавил ОАИЭ, был репрессирован.

4. Археологический Атлас казанского археолога и коллекционера Андрея Фёдоровича Лихачёва (1832-1890) представляет собой комплект листов литограмм, бережно сохраненных его вдовой Р. И. Лихачёвой, которая предоставила их совету ОАИЭ при Казанском университете.

5. КУБУ — Комиссия по улучшению быта ученых.

6. Чернышёв Евгений Иванович (1894-1979), историк. В 1943-1944 гг. — преподаватель Казанского университета, в 1945-1966 гг. — в Институте языка, литературы и истории КФАН СССР. Труды по истории рабочего и крестьянского движений, о крымских татарах и др.

7. «АРА» («ARA», сокр. от. англ.: «American Relief administration» — «Американская администрация помощи»), общественная благотворительная организация, созданная с целью оказания продовольственной и другой помощи европейским странам, пострадавшим в Первой мировой войне, существовала в 1919-1923 гг. Во время голода в Поволжье советское правительство разрешило деятельность «АРА» на территории РСФСР. Столовая «АРА» размещалась в Казани на ул. Ульяновых, в бывшем хлебном магазине.

8. Победоносцев Иван Фёдорович (1884-?), экономист, статистик. С 1914 по 1917 г. — помощник заведующего статистическим отделением Казанского губернского земства. С 1918 г. преподавал в КГУ. В 1922 г. — доцент Восточного педагогического института (подробнее см.: Казанский университет. Биобиблиографический словарь. — Казань, 2004. — Т. III. — С. 132).

9. Гоф — детское прозвище младшего сына С. И. Порфирьева Глеба.

10. Катанов Николай Федорович (1862-1922), тюрколог, этнограф, профессор Казанской духовной академии, председатель ОАИЭ. Некролог профессора И. М. Покровского был опубликован в 1923 г. в «Известиях ОАИЭ» (1923. — Т. XXXII. — Вып. 2. — С. 245-257), где откровенное описание положения научных работников было воспринято властью как вызов, из-за чего данный выпуск «Известий» в течение пяти лет было запрещено распространять (см.: Сидорова И. Б. Поступают «сведения о группировке черносотенного элемента в Обществе археологии, истории и этнографии при Казанском университете...» (ОАИЭ в первые годы Советской власти. 1917-1924 гг.) // Гасырлар авазы — Эхо веков. — 2003. — № 3/4. — С. 70).

11. Губайдуллин Газиз Салихович (1887-1938), псевдоним А. Газиз, доктор исторических наук, профессор (1927), общественный деятель. В 1922-1925 гг. — преподаватель Восточного педагогического института, член Академцентра Наркомата просвещения ТАССР.

12. Еналеевское восстание 1615-1616 гг. — антиправительственное выступление служилых и ясачных татар, охватило Казанский, Свияжский и другие уезды. Явилось следствием сбора «пятой деньги» (налога в размере 5-й части недвижимого имущества и доходов).

13. Козлов Илларион Александрович (1878-1933), скрипач, автор скрипичных пьес, песен, гармонизаций народных напевов, в традиции Н. А. Римского-Корсакова, член ОАИЭ, автор первой работы о пентатонике в татарской и башкирской народной музыке.

14. «Административное деление старинного Казанского уезда на дороги» — работа С. И. Порфирьева.

Фото на с. 199: С. И. Порфирьев. Казань, 1930-е гг. Из личного архива семьи Порфирьевых.

Публикацию подготовила
Ирина Порфирьева,
краевед

